

ВНУТРИСОСЛОВНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ДВОРЯНСТВА И «КОНСТИТУЦИОННОЕ» ДВИЖЕНИЕ 1730 ГОДА

Статья посвящена изучению социальных особенностей политического кризиса 1730 года, в частности проблеме самоидентификации дворянства и его стратификации в первой трети XVIII века.

Ключевые слова: социально-политическая история, правящая элита, русское дворянство, дворянский конституционализм.

Как отмечает Валери Кивельсон, «события 1730 года представляют яркую иллюстрацию смешения различных уровней и пониманий политической и социальной жизни эпохи» [1, р. 26]. Однако в историографии не существует единой точки зрения ни на произошедшие события, ни на их социальные характеристики. Данная статья посвящена именно социальным тенденциям, которые проявились в ходе кризиса 1730 года в отношениях различных дворянских групп. Мы попытаемся рассмотреть правящую элиту России в 1730 году через призму концепции символической власти Пьера Бурдьё, который полагает, что «класс (народ, нация или любая другая социальная действительность, нефиксируемая другим образом) существует, если существуют люди, которые могут сказать, что они и есть этот класс» и соответственно «представитель группы является ее субститутом, который существует только через это делегирование, в его лице группа действует и говорит» [2, с. 193].

Но прежде определимся с пониманием терминов. В самом широком смысле, правящая элита — это люди, оказывающие влияние на принятие значимых политических решений. В традиционном обществе правящая элита была определенной обычаем или правом социальной группой, не только сохранявшей влияние на государственные решения, но и передававшей его по наследству. В России XVII—XVIII вв. такой группой были привилегированные слои населения, связанные с несением военной, гражданской и придворной службы. В этом отношении почти идеально вписываются в понятие политической элиты России «думные чины» в XVII веке и «генералитет» в XVIII в. «Почти», потому что формальная структура политической элиты не всегда соответствовала реальному политическому участию. Исабель де Мадарьяга предложила оптимальное определение аристократии для России: «A social group marked by birth, inherited or acquired wealth, social and political status, and even power, however fragile, and consciousness of belonging to an elite participating in government» [3, р. 273]. Мы видим, что в данном определении аристократия практически совпадает с пониманием политической элиты в традиционном обществе.

Изменение социального порядка в Петровскую эпоху привело к определенному «кризису идентичности» членов правящей элиты. Замена многослойной системы московских служилых чинов лестницей Табели о рангах с открытым для «неблагородных» доступом к обладанию дворянством вызывала неоднозначную реакцию родови-

* © Польской С.В., 2011

Польской Сергей Викторович (s.polskoy@gmail.com), кафедра теории и истории культуры Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

тых семейств. Бренда Миан-Уотерс попыталась пересмотреть устоявшуюся схему петровских социальных реформ как ломку старой аристократии. Основываясь на широком анализе экономических и социальных составляющих, ей удалось показать преемственность состава элиты: «The old Muscovite elite had a firm grip on the top ranks and top positions in eighteenth-century society» [4, p. 193]. По данным Б. Миан-Уотерс, из 179 представителей «генералитета» в 1730 году 125 принадлежали к княжеским родам, думным чинам или московскому дворянству и были тесно связаны родственными отношениями. Но, как нам кажется, Бренда Миан-Уотерс все же преувеличила значение московских традиций в политической жизни XVII века и недооценила политические изменения, произошедшие в элите. В частности, как и Джон Ле Донн [5], она полагает родовые и семейные связи господствующими для «верхов» и в XVII веке. В этом отношении работа Валерии Кивельсон продемонстрировала более сложное взаимодействие московских традиций и нового опыта [1, p. 26–27].

Мы попытаемся проанализировать правящую элиту России первой трети VIII века с несколько иной точки зрения, не оценивая «реальности первого порядка», т. е. материальные ресурсы, «капиталы», наличие и использование которых делало возможным социальное доминирование элиты, а проведем анализ символической власти, той матрицы оценок и суждений, которая двигала агентами элиты и позволяла им оценивать тем или иным образом социальную действительность. Проще говоря, нас интересует «реальность второго порядка», которую конструируют в своем сознании или принимают люди прошлого. Каким образом участники событий 1730 года представляли себе социальную организацию? Как они определяли собственную «мы-идентичность»? Чтобы понять это, необходимо отойти от схем «государственной школы» или марксизма и обратиться к терминологии документов эпохи, претендующих на описание социальных отношений. Благодаря событиям 1730 года мы имеем целый ряд проектов, выстраивающих картину социальной реальности дворянина первой трети XVII века.

Наиболее четкое видение социальной конструкции империи представили сами верховники в т. н. проекте «Формы правления» или «Формы присяги» императрице Анне Иоанновне [б. л. 16–23 об.]. Работа над этим незавершенным документом, сохранившимся в нескольких редакциях, шла в конце января – начале февраля 1730 года. Верховники идут здесь на ряд уступок дворянским проектам, в частности, по численному составу высших органов управления, но в то же время сохраняют общий курс на преобладание Совета в политической жизни страны. Проект «формы правления» в конечном счете должен был стать основой для разработки «основного закона» страны, в целом его пункты носят декларативный характер, т. к. на их основе «выборная» комиссия должна была создать новые законы. В то же время, присягнув по этим пунктам, подданные империи должны были «сии пункты не нарушить» [б. л. 23]. Вообще, форма присяги напоминает известный в московском государстве тип «крестоцеловальной» записи или грамоты, в которой присутствовала не только присяга государю, но и оговаривались определенные условия, как, например, «а где велит государь быти на своей государевой службе, ему, государю, служить» [7, с. 298].

Анализируя «форму присяги», мы видим, что верховники ясно представляют общественную структуру империи. Анну формально избирает российский народ, который состоит из «духовного, так и мирскаго чина людей» [б. л. 16]. Эти «духовнаго и светскаго всякаго чина люди» мыслятся как общество отдельное от государства как института. «Государства правление» [б. л. 18] подразумевает в документе перечисленные институты управления – Верховного тайного совета (*далее* – *ВТС*), Сената и Синода. Причем верховники четко разграничивают личный и государственный интерес, об этом говорится в первой части: «Верховный тайный совет состоит ни для

какой собственной того собрания власти, тоию для лутчей государственной ползы и управления» [6. Л. 18] и далее: «Всякие государственные дела содержать тайно, и не открывать ни фамилии своей, ниже приятелем» [6. Л. 19]. Это разграничение переносится с разделения личности государя и государства, которое впервые четко прозвучало в присяге 18 февраля 1730 г. «ее величеству и отечеству моему» [8. Л. 53].

Термин «чин» употребляется здесь в осознанном значении сословия, сословной группы. Мы часто встречаем этот термин и в документах XVII века, «всяких чинов люди Московского государства» перечисляются в грамотах Земского собора, причем отдельно перечисляются бояре и окольные, и чашники, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и приказные люди и т. д. Но в данном документе мы видим иное понимание термина *чин*: это не отдельная группа с определенными служебными обязанностями по отношению к монарху, а некое «общество» со своими интересами. Кстати в отношении петровских чинов Табели о рангах источники чаще употребляют термин *ранг*, чем *чин*. *Чин* в этот период сохранял скорее старомосковское понимание: это *категория*, некая группа людей, связанных друг с другом. «Форма присяги» выделяет людей чина духовного и мирского, деля последних на шляхетство и гражданство, причем более всего места уделено именно шляхетству. К гражданству относятся как жителей городов Лифляндии и Эстляндии, имеющих права и привилегии, так и купечество. Купечество понимается как особый *чин*, имеющий преимущество — «волю» в торговле. Особые сословные привилегии подтверждает фраза «а протчим всяким *чином* в купечество не мешатца» [6. Л. 22 об.]. Отдельно выделено крестьянство, которое должно быть «облехчено» от податей «сколко можно». Ранее говорится, что «людей боярских и крестьян не допускать ни к каким делам» [6. Л. 21 об.]. Таким образом, верховники видят в *чинах* социальные группы, наделенные не только обязанностями, но и правами, и составляющими определенное «общество». Особенно это заметно в отношении шляхетства, которому, прежде всего и адресовались верховники. Так, в пункте о сохранении столицы в Москве, говорится, что это делается «для исправления всему *обществу* домов своих и деревень» [6. Л. 22 об.—23]. Вполне очевидно, что под обществом понимаются владельцы деревень, т.е. шляхетство.

В то же время шляхетство предстает в проектах совета не как однородная социальная группа. «Форма присяги» четко различает «знатное шляхетство» и просто «шляхетство». Несмотря на общие гарантии шляхетству, верховники утверждают «старые и знатные фамилии да будут иметь преимущества» [6. Л. 20 об.]. Это деление указывает нам на осознанную аристократическую идентификацию правящей элиты. Современники осознавали наличие аристократии в России, в чьем существовании сомневались некоторые историки. Во всяком случае, аристократия четко идентифицировала и выделяла себя из простого шляхетства. Здесь мы имеем проявление символической власти, когда представители группы выражают ее интересы. Причем в данном случае нужно помнить о том, что под «первыми фамилиями» понимались не только Долго-рукие и Голицыны, но все представители аристократии, которые оспаривали у этих семейств участие в Совете, в частности князья Черкасские, Трубецкие, Бярятинские и другие родовитые активисты «прожектеров». Совет демонстрирует, что он не собирается сконцентрировать власть в руках только двух «первых фамилий», т. к. принимает требование оппозиции включать только двух представителей от рода в Совет [6. Л. 18 об.]. Это указывает на осознание существования аристократического поля в целом, а не узкого родового интереса. Верховники, таким образом, пытаются закрепить идею первенства аристократических родов законодательно.

Обратимся теперь к другим документам движения 1730 года, созданным *шляхетством*, о котором рассуждали члены ВТС. Практически все дворянские проекты, признавая ограничение самодержавия, требуют участия шляхетства в государствен-

ном управлении как путем избрания из него высших должностных лиц, так и путем периодических собраний шляхетства. Выделялись две основные позиции среди проектов «знатного шляхетства»: одни были склонны к компромиссу с ВТС на основе «Кондиций» (группа Дмитриева-Мамонова и Матюшкина), другие требовали более радикальных изменений по сравнению с «Кондициями» (группа Черкасского). Именно эту группу до 25 февраля 1730 года иностранные свидетели называют «республиканцы» или «республиканская партия», так аббат Жак Жюбе писал: «Il y avait encore un bureau pour le parti de la Republique chez le prince Circaski, & ce parti devint de beaucoup plus considerables & plus nombreux que l'autre» [9, p. 141]. Внимательно изучая подписи под проектами, можно заметить, что большинство «прожектеров» принадлежат к правящей элите или напрямую с ней связаны. И.В. Курукин отмечает, что большая часть подписей под «проектом 361» принадлежит носителям высоких чинов: 32 генерала (IV–I класс) и 91 бригадир и штаб-офицер (VIII–V класс) [10, с. 9]. Иностранные дипломаты с первых же дней политического движения отметили противоречия, наметившиеся среди русского дворянства. Они говорят о несогласии знатного и мелкого шляхетства (*la grande et petite noblesse*) или вельмож (*les grandes*) и дворянства (*lower sort of nobility*), т. е. используя современную событиям русскую терминологию — «фамильных» и «шляхетства». Так, Лефорт в своих донесениях саксонскому двору сообщает 26.01.1730 г.: «Новый образ правления, составляемый вельможами, подает повод к волнению в мелком дворянстве» [11, с. 347], а Ж. Маньян уже 23.03.1730 г., анализируя прошедшие события, приходит к выводу, что причинами, которые не позволили русским «освободиться от своего старинного рабства», было несогласие «между знатнейшими фамилиями» и несоответствие новой формы правления «желаниям и интересам мелкого дворянства» [12, с. 374–375].

Русские источники подтверждают мнения иностранных дипломатов. Феофан Прокопович передает сведения о несогласии внутри «знатного шляхетства», он утверждает, что «сии верховников супостаты и между собой не единокорны были, но весьма противного хотения. Некоторые из них тщались старое и от прародителей восприятое государства правило удержать непременно. А другие, да еще сильнейшие, того же хотели, что и верховники. Досадно им было, что они их в дружество свое не призвали» [13, с. 122]. Эти «сильнейшие» и были авторами проектов, поданных в ВТС. Странники же самодержавия создавали публицистические письма, а не проекты. Самым известным в этом отношении остается письмо А.П. Волынского, где он, фактический представитель генералитета (генерал-майор, IV класс), позволяет себе говорить от имени среднего дворянства («мы, средние»), с опаской относясь к «главным», т. е. фамильным, и с пренебрежением к «мелочи», «подлому Шляхетству». Волынский писал из Казани: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий, и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать» [14, с. 28]. Волынский опасается, что «народ» (т. е. дворянство), наполненный «трусостию и похлебством», оставит «общую пользу» и будет «манить *главным персонам*». Даже подача «вольных голосов» от всего «общества» не гарантирует господства достойных людей, т. к. «*главные* для своих интересов будут прибирать к себе из *мелочи* больше партизанов, и в чьей партии будет больше голосов, тот, что захочет, то и станет делать». Он боится промедления и споров внутри «общества» в случае внешней опасности, войны, и даже если согласие будет достигнуто, все тяготы лягут на среднее дворянство («мы, *средние*, одни будем оставаться в платежах и во всех тягостях»). Волынского беспокоит возможное падение престижа военной службы и еще больше отмена обязательной службы («слышно, что делается воля к службе»), что может привести к тому, что «всяк захочет лежать в своем доме,

разве останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить». Все это ведет к потере порядка и хаосу. Не менее опасно, если в «армии из рядовых выпущено будет *подлое шляхетство*»: не привыкшие «от земли питать себя», шляхтичи непременно «разбоями и грабежами прибылей себе искать станут». Волынский предлагает освободить от службы только тех, кто владеет не менее 50 дворами (в крайнем случае — 30), и только после выслуги лет, чтобы «молодые и шаткие свои лета пробыл под страхом, а не по своей воле прожил» [14, с. 29]. Восприятие Волынским социальной структуры дворянства и собственной диспозиции в ней, во многом совпадает с описаниями верховников. В этом смысле «фамильные» и «шляхетство» одинаково представляют ту социальную реальность, по отношению к которой они высказываются.

Таким образом, в представлениях участников событий 1730 года структура благородного сословия (*первейшего и главнейшего чина*) не совпадала с официальной Табелю о рангах и имела параллельное деление, которое пыталась законодательно закрепить аристократия. Термины, которые встречаются в памятниках эпохи, позволяют выделить три группы в этой неформальной структуре дворянства, во многом дошедшей из московского прошлого. Во-первых, осознанно выделяется аристократия, «*фамильные*» («сильные», «первые фамилии», «главные персоны», «в великом шляхетстве»), представители старой московской элиты, сохранившей ключевые посты в управлении государством, с которыми приходилось считаться самодержцу как с группой, а не с отдельными родами. Во-вторых, «*шляхетство*» («доброе шляхетство», «шляхетства средняго», «средние») — это средние слои шляхетства, наследники московского и провинциального дворянства, обладавшие собственностью и бывшие костяком сословия, его консолидирующей силой. В-третьих, мы видим «*низкое шляхетство*» («низкаго и убогаго шляхетства», «подлое шляхетство», «мелкие», «мелочь», «из шляхетства малаго») — мелкопоместное и беспоместное дворянство, зависимое как от самодержца, так и от «фамильных» патронов. Эта зависимость делала «низкое шляхетство» игрушкой в борьбе «партий», но ни в коем случае не самостоятельной политической силой. Фактически эта неформальная структура была более реальной для людей первой половины XVIII века, чем формализованная и еще неотработанная структура рангов. «Фамильные» оказались и во главе ВТС, и во главе «республиканской партии», т. е. были заинтересованы в ограничении самодержавия. Противоречие между «республиканцами» и Советом скорее было связано с необоснованной боязнью узурпации власти в руках двух «первых фамилий». Поэтому как в прежние времена боярские роды объединялись против царских фаворитов, так теперь «знатное шляхетство» выступало против верховников и, прежде всего, непопулярных Долгоруких, не зная о планах Совета разделить власть с другими «фамильными». Это стремление к «балансу сил» привело к усилению самой слабой «партии» начала 1730 года — сторонников самодержавия и уничтожению «Кондиций». Причем средние слои шляхетства настойчиво поддерживали идею восстановления самодержавия, руководствуясь, скорее, общесословными, чем узкогрупповыми интересами.

Библиографический список

1. Kivelson Valerie A. Kinship Politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture // Imperial Russia. New histories for the Empire / ed. by J. Burbank & D.L. Ransel. Bloomington, 1998.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология политики. М., 1993.
3. Madariaga I. de. The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. V. 2. Northern, Central and Eastern Europe. N.Y., 1995.

4. Meehan-Waters B. *Autocracy and Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730.* New Brunswick; New Jersey, 1982.
5. Le Donne John P. *Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825.* N.Y.; Oxford, 1991.
6. РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4.
7. Крестоцеловальная запись царю Михаилу Федоровичу // Морозова Л.Е. *Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича.* М., 2005.
8. РГАДА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 50.
9. Jubé J. *La Religion, les moeurs, et les usages des Moscovites.* Oxford, 1992.
10. Курукин И.В. «Время, чтобы самодержавию не быть?» (генералитет, дворянство и гвардия в 1730 году) // *Отечественная история.* 2001. № 4.
11. *Сборник Русского исторического общества.* СПб., 1870. Т. V.
12. *Памятники Новой Русской истории.* СПб., 1871. С. 374–375. Т. 1.
13. Феофан Прокопович. *История об избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския.* СПб., 1837. С. 18.
14. Дело Салникоева // *ЧОИДР.* 1868. Кн. 3. Отд. V. С. 28.

*S.V. Polskoy**

THE INTERNAL STRATIFICATION OF THE NOBILITY AND THE «CONSTITUTIONAL» MOVEMENT IN 1730

The article studies social aspects of the political crisis in 1730, in particular the problem of noble identity and the stratification in the first third of XVIII century.

Key words: socio-political history, ruling elite, Russian nobility, aristocratic constitutionalism.

* *Polskoy Sergey Viktorovich* (s.polskoy@gmail.com), the Dept. of Theory and History of Culture, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.